

П.А. Калиниченко*

К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного Суда РФ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу Постановления Конституционного Суда России от 14 июля 2015 г., а равно вопросу о существовании коллизии между «страсбургской» и «российской» системами защиты прав человека. С этой целью первичное внимание в работе уделяется основанию депутатского запроса, позициям ЕСПЧ, которые создали основу для формулирования позиции Конституционного Суда России. Специальное внимание в статье уделяется опыту британских судов по рассмотрению схожих ситуаций.

Ключевые слова. Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд России, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конституция России, международное право, европейское право, исполнение решений, опыт британских судов, дело «Анчугов и Гладков против России», дело «Хёрст».

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.042-048

1. Вводные замечания¹

Исполнение решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в условиях российской правовой действительности нередко политизированная и скандальная тема. В этой связи всегда очень сложно продемонстрировать рациональное зерно, заложенное в прецеденте. Еще сложнее — дать правильную оценку решения. Вопрос, который был поставлен

перед Конституционным Судом России летом 2015 года, по сути, стал квинтэссенцией таких противоречий между попытками российского государства защититься от, как правило, справедливых претензий собственных граждан на основе решений международных судебных инстанций и произволом этих самых инстанций. Пресса и оппозиция дали жесткую оценку вынесенному Конституционным Судом Постанов-

¹ Настоящая статья написана при использовании материалов, изложенных автором в пояснительной записке, составленной по запросу Конституционного Суда России совместно с С.А. Егоровым и В.Н. Русиновой в июне 2015 г. Автор также благодарит А.О. Четверикова и Я.С. Кожеурова за помощь в написании настоящей статьи.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

© Калиниченко П.А., 2016

* Калиниченко Пауль Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой европейского права Дипломатической Академии МИД России [paulkalinichenko@mail.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

лению от 14 июля 2015 г.², уличив суд в попытке создать возможности для неисполнения ряда неприятных для России решений ЕСПЧ. Вместе с тем юридическая сторона вопроса представляется не столь однозначной, более глубокой и совсем не простой.

Настоящая статья посвящена не столько анализу Постановления Конституционного Суда России от 14 июля 2015 г, сколько рассмотрению вопроса о том, действительно ли может существовать коллизия между «страсбургской» и «российской» системами защиты прав человека или же проблема носит надуманный характер. С этой целью первичное внимание в работе уделяется основанию депутатского запроса, позициям ЕСПЧ и передовому зарубежному опыту.

2. Депутатский запрос

11 июня 2015 г. группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был направлен в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11 и пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13 и пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15 и пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По мнению заявителей, оспариваемые положения российского законодательства не соответствуют ч. 1, 2 и 4 ст. 15 и ст. 79 Конституции Российской Федерации. В запросе, в частности, утверждалось, что статья 1 Федерального зако-

на «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» позволяет признавать и исполнять на территории Российской Федерации судебные акты ЕСПЧ, вступающие в противоречие с нормами Конституции Российской Федерации и решениями Конституционного Суда Российской Федерации. В отношении положений остальных оспариваемых федеральных законов заявители указывали, что они допускают пересмотр вступившего в законную силу судебного постановления на основе решения ЕСПЧ, даже если это решение противоречит Конституции Российской Федерации, а также подразумевают необходимость для иных государственных органов и организаций принимать меры в соответствии с такими решениями ЕСПЧ и фактически обязывают российские суды и иные государственные органы в условиях отсутствия механизма разрешения такой правовой ситуации безусловно исполнять решения ЕСПЧ вопреки Конституции Российской Федерации.

Направленный депутатами запрос поставил на повестку дня один из животрепещущих вопросов применения положений Конституции РФ о приоритете международных соглашений России перед национальным законодательством, а равно относительно существующих коллизий между решениями наднациональных органов и положениями Конституции РФ. Конституционный Суд ранее уже касался этих проблем в Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П «по делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда»³ в отношении решений Европейского Суда по правам человека и в Определении от 03.03.2015 № 417-О «По запросу Арбитражного суда Центрального округа о проверке конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

Таможенного союза»⁴ в отношении решений евразийских структур.

Очевидно, что проблема возможной коллизии положений Конституции России и ряда решений наднациональных органов, в которых участвует Россия на основе международного соглашения, реально существует. Депутаты правильно поставили проблему, но оценили ситуацию на своем уровне. Запрос не был достаточно продуман в аргументации. В частности, депутаты ошибочно полагали, что признание и применение решений ЕСПЧ имеет что-то общее с признанием и исполнением иностранных судебных решений. Вопиющим заблуждением является и содержащееся в депутатском запросе утверждение, что «размывание границ государственного суверенитета Российской Федерации» составляет «конечные цели» решений ЕСПЧ. Вызывает улыбку выраженная в запросе обеспокоенность депутатов тем, что нормы российского права «фактически обязывают» и «фактически подталкивают» к исполнению решений ЕСПЧ.

Напротив, депутаты верно осознали, что российское право европеизировано в значительной степени. «Закрывать глаза» или «обходить стороной» подобные коллизии между конституционной системой и решениями европейских наднациональных структур мы не можем сегодня, Россия слишком серьезно вовлечена в европейские процессы. В этом отношении депутаты абсолютно адекватно оценили требования времени и момент для направления запроса в Конституционный Суд.

Средства массовой информации сразу же увязали направление депутатского запроса в Конституционный Суд с Постановлением ЕСПЧ по делу «ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России» (ОАО Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia, жалоба № 14902/04) от 24 июня 2014 г.⁵, обязавшего Россию уплатить почти 2 млрд евро в качестве компенсации.

Действительно, в запросе это дело упоминается, однако остается непонятным, в какой части именно это постановление ЕСПЧ противоречит Конституции РФ.

3. Позиции Европейского Суда по правам человека

Другое дело — Постановление ЕСПЧ по жалобе «Анчугов и Гладков против России» от 4 июля 2013 г.⁶, в котором ЕСПЧ признал нарушениями Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод положениям Конституции о лишении избирательных прав заключенных (ч. 3 ст. 32). Дело «Анчугов и Гладков» является прямым продолжением дела «Хёрст против Соединенного Королевства», рассмотренного 6 октября 2005 г.⁷ После вынесения Постановления ЕСПЧ по этому делу стало ясно, что оно вступает в коллизию с Российской Конституцией.

Некий Дж. Хёрст был осужден британским судом пожизненно в 1981 г. и условно-досрочно освобожден в 2004 г. Как и в России, в Британии наказанию, связанному с лишением свободы, сопутствует автоматическое лишение избирательных прав. Последнее и было оспорено Хёрстом, сначала в национальных судах, где своей «правды» он не нашел, а затем и в Европейском Суде по правам человека в Страсбурге. ЕСПЧ согласился с доводами Хёрста о недопустимости автоматического лишения избирательных прав осужденных к лишению свободы: «Ни в коем случае таким образом не может ставиться вопрос о лишении заключенного его прав, гарантированных Конвенцией, лишь по той причине, что он находится в заключении по обвинительному приговору»⁸.

Суд счел подобные правила в национальном законодательстве несовместимыми с положениями статьи 3 Протокола №1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: «Приходится при-

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 03.03.2015 № 417-О «По запросу Арбитражного суда Центрального округа о проверке конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 3.

⁵ ОАО Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia // Application N 14902/04, Judgment of 24 June 2014.

⁶ Anchugov and Gladkov v. Russia // Applications nos. 11157/04 and 15162/05, of 4 July 2013.

⁷ Hirst v. the United Kingdom // Application N 74025/01, Judgment of 6 October 2005.

⁸ Ibid, par.70.

знать, что такое общее, автоматическое и недифференцированное ограничение права, провозглашенного Конвенцией и имеющего ключевое значение, превышает допустимые пределы оценки, какими бы широкими они не были, и является несовместимым со статьей 3 Протокола № 1»⁹.

Конечно же, само Постановление ЕСПЧ обязательно только для Британии, но его нормы составляют прецедентное право Европейского Суда по правам человека, и теперь любое схожее дело будет разрешено Страсбургским судом аналогичным образом. Соответственно, если любой российский заключенный потребует признания недействительным ограничения его права избирать в Государственную Думу ФС РФ, то Европейский Суд по правам человека признает это требование справедливым, а сами ограничения — противоречащими Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это и произошло через несколько лет в деле «Анчугов и Гладков».

Проблема состоит в том, что ограничение избирательных прав заключенных содержится в ч. 3 статьи 32 Конституции РФ: «Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда». Статья 32 находится в той главе Конституции России, которая не может быть изменена. Если ЕСПЧ выносит подобное решение в отношении России, то для приведения российского законодательства в соответствие с современными стандартами Совета Европы в области прав человека необходимо принять новую Конституцию.

Несмотря на общественно-политическую дискуссию о необходимости изменения или замены Конституции РФ, развернувшуюся в прошлом году¹⁰, вопрос об амортизации консти-

туционных положений и замене Конституции вряд ли уместен в связи с упомянутыми постановлениями ЕСПЧ. Коллизия между страсбургской и национальной российской системами защиты прав человека касается частных, а не принципиальных положений.

Достаточно сказать, что практика автоматического лишения избирательных прав осужденных присуща не только отечественному конституционному законодательству. Кроме того, коллизии случались и ранее. Помимо упомянутой выше Великобритании, с подобной коллизией ранее сталкивались правовые системы Италии¹¹, Австрии¹², ФРГ¹³.

4. Опыт британских судов

Опыт британских судов весьма показателен в этой связи. В решении от 16 октября 2013 г. по делу *McGeoch*¹⁴ Верховный Суд Британии обосновал отказ от формального исполнения решения по делу «Хёрст против Соединенного Королевства» тем, что правовые позиции ЕСПЧ в соответствии с актом о ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. должны лишь «приниматься во внимание» британскими судами. Беспрекословными могут лишь быть фундаментальные принципы, заложенные в этих правовых позициях, частности же могут быть «приняты во внимание» в ином ключе.

Решения ЕСПЧ представляются элементами диалога между Страсбургской и Британской судебной системами, а не в виде жестких предписаний наднациональной структуры. Соответственно, если британская система в целом соответствует стандартам ЕСПЧ, то суды должны следовать частным нареканиям ЕСПЧ, если они направлены на ее развитие и улучшение. Если же позиция ЕСПЧ не укладывается в суще-

⁹ Ibid, par.82.

¹⁰ См.: *Селиверстова О.* Ходорковский заявил о смерти Конституции России и предложил принять новую. По его мнению, Кремль отказался от главного закона страны // Московский комсомолец. 2015. 16 декабря; *Козлова Н.* Исключительное право. Александр Бастрыкин предлагает исключить из Конституции РФ нормы о приоритете международного права // Российская газета. 2015. 27 июля.

¹¹ *Maggio and others v. Italy* // Applications nos. 46286/09, 52851/08, 53727/08, 54486/08 and 56001/08, Judgment of 31 May 2011.

¹² *VfGH Einleitung* am 14 Oktober 1987, B 267/86 // EuGRZ, 1988.

¹³ *Goergelue v. Germany* // Application no. 74969/01, Judgment of 26 February 2006.

¹⁴ *Case R v. Secretary of State for Justice; McGeoch v. The Lord President of the Council* // 2013 UKSC 63.

ствующую систему, суды должны принять это только к сведению и при этом предпринять все усилия для поддержания диалога.

Другим примером является решение Лондонского апелляционного суда от 18 февраля 2014 г. по делу *R v. Mcloughlin; R v. Newell*¹⁵. В этом деле Суд отказал в исполнении решения ЕСПЧ по делу «Винтер»¹⁶, обосновав это тем, что ЕСПЧ не разобрался в тонкостях британского права, которое по своей сути и способности к толкованию не содержит вмененных нарушений.

С одной стороны, вопрос здесь заключается в том, насколько качественно каждое отдельное решение ЕСПЧ. Общеизвестно, что с увеличением потока жалоб в XXI веке деятельность ЕСПЧ стала подвергаться некоторой эрозии в отношении их качества по своей чисто юридической обоснованности, даже оставляя в стороне вопрос о политизации ряда решений. С другой стороны, если решение ЕСПЧ касается какой-то сугубо частной проблемы применения российского законодательства, страсбургскому судье, не обладающему достаточными познаниями ни в конституционном, ни в ином отраслевом законодательстве России, весьма сложно дать адекватную оценку соответствия или несоответствия российской системы страсбургским стандартам в каждом конкретном случае.

Решения ЕСПЧ нельзя презюмировать как истину в конечной инстанции. Конституционный Суд должен интерпретировать ст. 1 ФЗ о ратификации ЕКПЧ в том русле, что она позволяет КС проводить проверку правильности понимания российских конституционных норм Страсбургским судом.

Очевидно, что реализация решения ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков» может быть осуществлена в схожем русле. Ситуация даже лучше для России в том смысле, что это дело не просто не укладывается в российскую систему, а требует ее коренного пересмотра и слома через изменение Конституции. Соответственно, Конституционный Суд должен встать на защиту Конституции и базовых принципов применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в России. Это можно сделать через интерпретацию положений ФЗ о ратифи-

кации ЕКПЧ в том смысле, что позиции ЕСПЧ не всегда требуют досконального исполнения, а составляют часть диалога систем и должны «приниматься во внимание» российскими правоприменителями, не нарушая базовых основ гармоничного сосуществования. К тому же, формально реализовать предписания ЕСПЧ можно путем принятия, например, Федеральным Собранием РФ широкомасштабной программы совершенствования государственного строительства до 2040 г., где специальным пунктом прописать обсуждение вопроса о приведении конституционных положений в соответствие со стандартами ЕСПЧ. Вместе с тем останется вопрос в части выплаты компенсации пострадавшим лицам. Государство-участник обязано выплачивать компенсацию по Конвенции. Однако сама манера назначения ЕСПЧ этих компенсаций и начисления пени во многом носит произвольный характер, выработана ЕСПЧ за пределами Конвенции и нуждается в специальном анализе и обсуждении, может стать предметом для «диалога систем».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г.

Следуя сложившейся практике в толковании Российской Конституции, в своем Постановлении от 14 июля 2015 г. Конституционный Суд совершенно справедливо отказал в претензиях, сформулированных в депутатском запросе. Оспариваемые положения 6 российских законов были признаны соответствующими Конституции. Признание неконституционными ряда положений российского права относительно реализации позиций ЕСПЧ, о чем просили депутаты, — весьма недальновидная затея, способная только усугубить ситуацию с реализацией решений ЕСПЧ, разрушить сбалансированность российской системы защиты прав граждан и обострить противоречия между страсбургской и российской системами.

Конституционный Суд исходит из того, что участие России в международном соглашении совершенно не означает отказа от государственного суверенитета. Никакой международ-

¹⁵ *Case R v. Mcloughlin; R v. Newell* // 2014 EWCA Crim 188.

¹⁶ *Vinter and Others v. the United Kingdom* // Applications nos. 66069/09, 130/10 and 3896/10, Judgment of 9 July 2013.

ный договор, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ, не могут отменять приоритет Конституции. Однако их практическая реализация в российской правовой системе возможна только при условии признания за Конституцией высшей юридической силы. Конституция и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод базируются на одних и тех же ценностях. Коллизия между ними — редчайший случай. Такие случаи возможны, и тогда России следует отказаться от исполнения решений ЕСПЧ. Это соответствует практике других стран и должно исходить из идеи недопущения самоизоляции, взаимного уважения и развития диалогов разных систем защиты прав человека. Вместе с тем только Конституционный Суд может принять такое решение об отказе от исполнения решения ЕСПЧ.

Конституционный Суд РФ также указал в Постановлении, что федеральный законодатель вправе предусмотреть специальный механизм, что было сделано с принятием Федерального конституционного закона от 14.12.2015 г.¹⁷

6. Заключение

Текущая юридическая ситуация, характеризующаяся выводами ЕСПЧ по делам «Хёрст» и «Анчугов и Гладков», позицией Конституционного Суда России и опытом зарубежных

стран, дает основания полагать, что коллизия между «страсбургской» и «национальной» системой защиты прав человека явление возможное и встречающееся на практике, но в весьма редких случаях. В этой связи позиция Конституционного Суда для этих редчайших случаев звучит взвешенно и обоснованно. Конституционный Суд стоит на страже интересов Конституции, как бы не были убедительны доводы страсбургского правосудия.

Напротив, тот эмоциональный тон, с которым был написан депутатский запрос, и тот ажиотаж, с которым были приняты декабрьские поправки в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», позволяют предположить, что определенные круги в России действительно надеются на то, что данная коллизия сможет создать возможность для неисполнения негодных решений ЕСПЧ, будь то решение по делу ЮКОСа или возможные будущие решения по «украинским компенсациям».

Вместе с тем проверить сотни существующих решений ЕСПЧ по жалобам против России на соответствие Конституции РФ представляется немыслимой и никому не нужной тратой времени. Поэтому формируемый в российской правовой системе механизм отказа в исполнении решений ЕСПЧ будет носить, по всей вероятности, избирательный характер и будет касаться ограниченного числа дел.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Егоров С.А. Гибридные (смешанные) трибуналы и суды // *Международное право и международные организации*. — 2014. — № 3. — С. 470–481.
2. Исполинов А.С. Статус международных договоров в национальном праве: некоторые теоретические и практические аспекты // *Российский юридический журнал*. — 2014. — № 1(94). — С. 189–191.
3. Калиниченко П.А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права Европейского Союза на решения российских судов) // *Lex Russica*. — 2013. — № 11. — С. 1224–1234.
4. Кожеуров Я.С. Перспективы взаимоотношений Европейского Суда по правам человека и Евразийского экономического союза // *Актуальные проблемы российского права*. — 2015. — № 11. — С. 183–190.
5. Русинова В.Н. Вклад Европейского Суда по правам человека в развитие обязанностей государств по защите права на жизнь в вооруженных конфликтах // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. — 2013. — № 3(308). — С. 50–63.

¹⁷ Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" // *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.

6. Четвериков А.О. Гражданство Европейского Союза как правовая форма либерализации трансграничных отношений между государствами-членами ЕС // Lex Russica. — 2010. — № 4. — С. 860–872.

Материал поступил в редакцию 29 января 2016 г.

ON CONFLICTS BETWEEN THE ECTHR JUDGMENTS AND THE CONSTITUTION OF RUSSIA IN THE LIGHT OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT'S LEGAL POSITION

KALINICHENKO Paul Alekseevich — Doctor of Law, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin State Law University (MSLA); Head of the European Law Department of the Diplomatic Academy at the Russian Ministry for Foreign Affairs
[paulkalinichenko@mail.ru]
123995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Review. *This article is dedicated to the judgment of the Constitutional Court of Russia of 14 July 2015, as well as to an issue of conflict between the «Strasbourg human rights protection system» and the «Russian human rights protection system». This article focuses on the request of deputies and positions of the European Court of Human Rights, which formed the basis for the decision of the Constitutional Court of Russia. Special attention is paid to the experience of the British courts in similar cases.*

Keywords. *The European Court on Human Rights, the Constitutional Court of Russia, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the Constitution of Russia, International Law, European Law, Enforcement of Judgments, British courts cases, Case of «Achugov and Gladkov v. Russia», Case of «Hirst v. the United Kingdom».*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Yegorov S.A. Gibridnyye (smeshannyye) tribunaly i sudy // Mezhdunarodnoye pravo i mezhdunarodnyye organizatsii. — 2014 — № 3. — С. 470–481.
2. Ispolinov A.S. Status mezhdunarodnykh dogovorov v natsional'nom prave: nekotoryye teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2014 — № 1 (94). — С. 189–191.
3. Kalinichenko P.A. Yevropeizatsiya rossiyskoy sudebnoy praktiki (na primere vliyaniya prava Yevropeyskogo Soyuza na resheniya rossiyskikh sudov) // Lex Russica. — 2013. — № 11. — С. 1224–1234.
4. Kozheurov Y.S. Perspektivy vzaimootnosheniy Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka i Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. — 2015. — № 11. — С. 183–190.
5. Rusinova V.N. Vklad Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka v razvitiye obyazannostey gosudarstv po zashchite prava na zhizn' v vooruzhennykh konfliktakh // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. — 2013. — № 3 (308). — С. 50 — 63.
6. Chetverikov A.O. Grazhdanstvo Yevropeyskogo Soyuza kak pravovaya forma liberalizatsii transgranichnykh otnosheniy mezhdunarodnykh gosudarstvami-chlenami ES // Lex Russica. — 2010. — № 4. — С. 860–872.